

Н. Н. КЕЧАКМАДЗЕ

ГРАММАТИКО-ЛОГИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ ИОАННА ИТАЛА

Византийский деятель Иоанн Итал — прекрасный пример много-сторонне образованного человека своего времени. Он разрабатывал вопросы логики, философии, теологии, астрономии, грамматики и других дисциплин. Иоанн Итал внес существенный вклад в разработку широко обсуждавшихся тогда вопросов философии. Профессор Константинопольской высшей школы, ипат философов, «высший философ» должен был обладать энциклопедическими знаниями. В его служебные обязанности входило знание всех злободневных вопросов. Он должен был не только читать лекции, не только воспитывать молодежь, которая отовсюду стекалась в Константинополь, но и отвечать на любые вопросы научного или политического характера, с которыми к нему обращались выдающиеся люди. Из 99 трактатов Итала (основная часть их представляет собой лекции, прочитанные студентам) некоторые написаны в форме ответа на поставленный кем-либо вопрос. Иногда автор прямо указывает лицо, для которого пишет объяснение. Один трактат, например, называется «Императору Андронику Комнину „О диалектике“». Заглавие 43-го трактата гласит: «Императору Андронику, который поставил вопрос о сновидениях»; 50-й трактат озаглавлен: «Михаилу Дуке о том, продолжается ли развитие души после гибели тела».

Обращает на себя внимание заглавие 64-го трактата: «К грамматике Абазгу. О затруднениях в некоторых вопросах грамматики» (*Πρὸς τὸν Ἀβασγὸν τὸν γραμματικόν. Ἀπορίαί περὶ τινῶν τῆς γραμματικῆς*)¹. Имя адресата не указано. Очевидно, этот иностранный ученый был известен всем под именем «Абазг»², которое заменяло ему личное имя.

В 1909 г. Н. Я. Марр высказал предположение, что под именем «Абазг» скрывается Иоанн Петрици³. Биографические данные И. Петрици свидетельствуют, что этот философ действительно получил образование в то время, когда ипатом философов в Константинополе был Иоанн Итал. После Пселла, постригшегося в 1055 г. в монахи, ипатом был назначен Иоанн Итал, занимавший эту должность в продолжение 28 лет (до февраля-марта 1083 г.), когда по инициативе Алексея Комнина он был осужден церковью и предан анафеме. И. Петрици до 1083 г. был в Константинополе учеником И. Итала. В 1083 г. он обосновался в Петрицонском монастыре. После осуждения И. Итала, которого сослали в монастырь⁴, стали преследовать и его учеников. Против них Алексеем

¹ Ioannes Italos. *Questiones quodlibetales*, ed. P. Ioannou. Ettal, 1956, p. 95—97.

² В средние века, начиная примерно с X в., грузин называли абазгами.

³ Н. Я. Марр. Иоанн Петрицкий, грузинский неоплатоник XI—XII века. — ЗВРАО, т. 19, вып. 2—3, 1909, стр. 56.

⁴ πεμφθέντος ἐν μοναστήριον διὰ τὴν προσήκουσαν διόρθωσιν δεῖξασθαι. См. Ф. И. Успенский. Делопроизводство по обвинению И. Итала. — ИРАИК, II, 1897, стр. 1—66.

Комнином был возбужден судебный процесс, начавшийся 20 марта 1083 г. под председательством патриарха Евстратия. Ученики Итала были вынуждены оставить столицу. В протоколах процесса сохранилось решение, запрещавшее гражданам принимать в свой дом учеников И. Итала и угрожавшее тем, кто окажет им какую-нибудь помощь. По словам самого И. Петрици, он подвергался преследованию со стороны греков и грузин (можно полагать, как ученик И. Итала и мыслитель, воззрения которого не разделялись клерикальными кругами). Эти данные свидетельствуют, что предположение Н. Марра вполне обосновано.

В настоящее время мы располагаем значительно большим материалом, который позволяет заключить, что адресатом этого письма является именно И. Петрици.

Письмо написано в связи с тем, что адресат заинтересовался словами: *ἴχται, ἰγμένος* (perfectum глагола *ἰχνέομαι*) и *μὴ ἀπαξίωσον* (imperativus aoristi глагола *ἀπαξίωω*); он считал их варваризмом и солецизмом. Итал же, видимо, сомневался в этом, однако относительно *μὴ ἀπαξίωσον* Абазг был прав, так как известно, что отрицание *μὴ* в греческом языке ставится с *imperativus praesentis* и с *conjunctivus aoristi*. Правильными являются формы *μὴ ἀπαξίω* и *μὴ ἀπαξίωσῃς*, неправильными же — *conjunctivus praesentis* и *imperativus aoristi*: *μὴ ἀπαξίωῖς* и *μὴ ἀπαξίωσον*, что и подчеркивает адресат. Из этого письма не вытекает, что вопрос Италу был поставлен Абазгом прямо, а видно, что профессор обратил внимание на толкование им приведенных выше слов и счел нужным в связи с этим изложить свое мнение относительно некоторых вопросов грамматики.

В начале трактата Итал обращается к Абазгу-грамматiku с восхвалениями и уверениями в дружеских чувствах; он считает его глашатаем и хвалителем своих теорий, а себя — толкователем воззрений Абазга, которого глубоко чтит, ставит даже выше себя и чьим мнением особенно дорожит.

За этим следует часть исследования, представляющая собой критику учения о частях речи. Итал считает неправильной классификацию, которая была принята в античное время и в средние века. Он рассматривает каждую часть речи и, исходя из содержания, ищет противоречия в определениях, что ему и удается. В каждой части речи он находит апории; это, по его мнению, создает непреодолимое противоречие и делает неприемлемой принятую дефиницию. Итал не дает позитивных определений, его цель — показать негативные стороны существующего деления и этим способствовать созданию в дальнейшем другого принципа. После грамматических дефиниций он приводит логические, так как, полагает автор, одностороннее описание, формальное или семантическое, не дает полной картины.

Такое направление суждений Итала вполне закономерно на фоне грамматического мышления средневековья. Г. Аренс в своем исследовании пишет: «Средневековые языковые теории восходят к Аристотелю и представляют собой распространение его логики на грамматику. „Об истолковании“ и „Категории“ Аристотеля были известны в арабских и латинских переводах. По словам Альберта Великого, „как глупый выглядит по отношению к мудрому, так выглядит и грамматик, который не имеет представления о логике“. При исследовании логики предметом особого рассмотрения стали части речи. С этим был связан вопрос о значении слова вообще, однако не в целях глубокого изучения языка; ведущим было стремление доказать единство логики и языка. Понятия Аристотеля, десять установленных им категорий — сущность, количество, отношение, место, качество, время, положение, обладание, действие, стра-

дание — были, по их мнению, выражены в классах слов. Изучая значение частей речи, эти исследователи дошли до философии слова, до сути значения или смысла слова (*modi significandi*)»⁵. Р. Робинс в книге «Античные и средневековые языковые теории» также полагает, что в раннее средневековые грамматики лишь излагали мнения древних, а период с XII в. до Ренессанса был более продуктивным. Причиной явилось открытие вновь ученым миром Аристотеля. Это открытие «означало для грамматики подчинение логике и философии»⁶.

С установлением связи между грамматикой и философией мы неоднократно встречаемся у византийских грамматиков, в частности у комментаторов Аристотеля и Дионисия Фракийского. Типичными для такого взгляда являются слова Аммония при толковании некоторых мест *Περὶ ἑρμηνείας*: «Ясно, что имя предшествует глаголу, так как имена означают существование предметов (*ὀνόματα*), а глаголы — действие или страдание (*ἐνεργείας καὶ πάθη*), существование же предшествует действию или страданию»⁷.

Один из схолиастов Дионисия Фракийского пишет: «Свойством имени является обозначение сущности (*οὐσία*), сущность есть самосущее, не нуждающееся в других для существования». Хировоск говорит: «Известно, что сущность (*οὐσία*) есть независимая самосущность, как человек, лошадь; качество же является свойством — белый, желтый»⁸. По мнению того же Хировоска, «имя предшествует глаголу, так как имя указывает на сущность (*οὐσία*), глагол же — на случайный признак (*συμβεβηχός*)»⁹. То же самое говорят и Гелиодор, и писавший в IX в. армянский комментатор Дионисия Фракийского¹⁰.

Высказывалось и противоположное мнение, будто глагол по природе является более ранним, чем имя, так как действие предшествует сущности¹¹.

Средневекового грамматика интересует не то, что на самом деле имеется в языке, но выяснение и доказательство того, почему это так, а не иначе¹². Такова общая тенденция. Эта тенденция заметна и в рассматриваемом нами трактате.

Автор начинает с критики мнения древних о частях речи, которые полагали, что таковыми являются элемент, слог, имя, глагол, предложение. Эта точка зрения, вероятно, заимствована из XX главы «Поэтики» Аристотеля, который частями словесного изложения, частями λέξις, считает элемент, слог, имя, глагол, союз, артикль, флексию, предложение. Однако это мнение Аристотеля не оригинально. До него у атомистов, у Демокрита существовал взгляд, что при наличии атомов и пустоты каждый предмет строится из атомов так же, как имя — из элементов. Как в имени изменение одного звука влечет за собой возникновение слова с совершенно другим значением, так и незначительное изменение состава и положения атомов создает совершенно другой предмет. Если из одних и тех же букв получаются такие различные вещи, как трагедия и коме-

⁵ H. A r e n s. Sprachwissenschaft, der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart. München, 1955, S. 35—36.

⁶ R. H. R o b i n s. Ancient-mediaeval grammatical theory in Europe. London, 1951, p. 75.

⁷ H. S t e i n t h a l. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern, II. Berlin, 1891, S. 233.

⁸ Ibid., S. 238.

⁹ Ibid., S. 233—234.

¹⁰ Н. А. А д о н ц. Дионисий Фракийский и армянские толкователи. Пг., 1915, стр. CLXIII.

¹¹ Scholia ad Dionys. Thracis art. gr., ed. H. Hilgard. Bonnae, 1905, p. 216.

¹² H. A r e n s. Sprachwissenschaft... S. 35.

дия, то таким же образом из одних и тех же атомов создаются разные миры. Грамматическая теория устанавливает тут трехступенчатое деление: элемент — слог — имя.

Согласно атомистической теории, предложение есть не что иное, как механическое соединение имен. Оно состоит из них точно так же, как имя — из букв и предмет — из атомов. Тут опять-таки проведено трехступенчатое деление. Между именем и предложением есть ῥῆμα (словесное выражение, т. е. словосочетание, семантически единая часть предложения). И здесь налично три градации: имя — ῥῆμα — предложение¹³. Это и есть та атомистическая теория языка, которую излагает Итал в начале своего трактата.

Однако для второго деления (т. е. имя, рема, предложение), кроме XX главы «Поэтики», мы можем найти более поздний источник, чем Демокрит. Известно, что с точки зрения логики основным считалось выделение в предложении имени и глагола как терминов, обозначающих субъект и предикат.

Термины ὄνομα, ῥῆμα Аристотель употребляет в двойном смысле: в «Органоне» при логическом анализе суждения как выражения логической единицы и в «Поэтике» (гл. XX) при исследовании языка. В первом случае его интересуют только имя и глагол как средства выражения субъекта и предиката. Различая субъект и предикат, античная теория видит в предложении только имена и глаголы¹⁴.

Что касается всех терминов вместе взятых (στοιχεῖον, συλλαβή, ὄνομα, ῥῆμα, λόγος), то они употребляются у Платона в «Теэтете» (202 В)¹⁵ в таком контексте: «Элементы бессмысленны и непознаваемы, ибо воспринимаются чувством, слогги познаваемы и высказываются для истинной мысли осмысленные». И далее (206 Д): «Как элементы создают предмет, так и полученные из звуков имена создают предложение... звуковым изложением посредством имен и глаголов».

До Платона («Кратил», 424 С; «Филеб», 18 ВС) слово στοιχεῖον в смысле звуковой единицы не встречается: оно означает только элемент физического мира. В «Кратиле» читаем (424 С — 425 А): «Из элементов создаются слогги, из соединения слогов получается имя и глагол. Из имени и глагола — предложение».

В грамматике стоиков имело место восхождение от наименьших элементов до слов и предложений¹⁶. Στοιχεῖα у Хрисиппа употреблялось также для обозначения частей речи¹⁷, а у Платона — для первичных имен.

Античная традиция продолжалась и у византийцев. Армянский комментатор Дионисия Фракийского Давид говорит: «Сперва имеется в наличии наименьший элемент (στοιχεῖον), затем слог, слово, предложение»¹⁸. Таков же ход мысли и Стефана¹⁹.

Итал считает, что классификация — элемент, слог, имя, глагол, предложение — неудовлетворительна, и рассуждает о соотношении между целым и частями. Лейтмотивом в этом рассуждении является мнение, что

¹³ И. М. Тронский. Проблемы языка в античной науке. Античные теории языка и стиля. М.—Л., 1936, стр. 18.

¹⁴ И. М. Тронский. Проблемы языка..., стр. 24. С доказательствами этой мысли встречаемся на каждом шагу; см. «Софист», 262 С; D.

¹⁵ Plato, ed. J. Burnet, I—II. Oxonii, 1905.

¹⁶ И. М. Тронский. Основы стоической грамматики. Романо-германская филология. — Сборник статей в честь академика В. Ф. Шиммарева». Л., 1937, стр. 308.

¹⁷ Diog. Laert., De vitis dogm. et apothegm. clarorum philosophorum. Lipsiae, 1759, VII, p. 57.

¹⁸ Н. Адонц. Дионисий Фракийский..., стр. CLIII.

¹⁹ Там же, стр. CLXII.

предложение есть часть более крупной единицы — речи, но оно есть целое в отношении меньшей единицы — имени. На подобное соотношение целого и части указывает также суждение Иоанна Петрици в «Комментариях»: «Рука является частью целого тела, и, наоборот, она есть целое по отношению к плечу, предплечью и кисти»²⁰.

В этой части трактата привлекает внимание и то, что слово λέξις здесь употребляется в значении «речь». Λέξις у Дионисия означает «слово», такое же значение оно имело и у византийцев. Λέξις в XX главе «Поэтики» Аристотеля означает словесное изложение, т. е. речь. По Италу, имя также есть не часть предложения, а часть речи.

Далее в трактате следуют определения всех частей речи и связанные с этим рассуждения автора²¹. Каждое определение взято из произведений античных или средневековых авторов. Например, для имени берется определение Дионисия Фракийского: ὄνομα ἐστὶ μέρος λόγου πτωτικόν²². За этой грамматической дефиницией следует логическая, взятая у Аристотеля: ὄνομα ἐστὶ φωνῆ σηματικὴ κατὰ συνθήκην²³⁻²⁵. Последнюю дефиницию автор считает родовым понятием, общим описанием, так как выражение φωνῆ σηματικὴ κατὰ συνθήκην у Аристотеля употребляется не только для имени, но и для глагола, флексии, предложения, простого высказывания (общее описание = ὑπογραφή).

Термин ὑπογραφή обозначает то общее суждение, которое Аристотель разбирает во II Аналитике (гл. 22). Там для восхождения к общим основам Аристотель употребляет слово λογικῶς, а для определения сущности — ἀναλυτικῶς. Итал под ὑπογραφή подразумевает λογικῶς (логично, т. е. определено по общим основам).

Затем в трактате Итала начинается рассуждение об отношении между целым и частью. «Падеж (πτῶσις) есть или часть имени, или целое имя». Итал заметил противоречие между двумя воззрениями: каким образом имя является склоняемой частью предложения, если оно употребляется только в именительном падеже. Ведь это значит, что у него нет падежа. Отсюда вывод: имя является именем во всех падежах (критика Аристотеля).

Соотношение части и целого автор использует при определении глагола; логически это место связано с предыдущим рассуждением. Перед этим автор разъяснил соотношение падежа и имени, но πτῶσις имеется и у глагола. В Περι ἐρμηνείας глаголом — ῥῆμα является только форма настоящего времени. Все остальные формы являются πτῶσις-ом глагола. В «Поэтике» и прошедшее время считается глаголом, а πτῶσις-ом — вопросительные и повелительные формы; в 113-м фрагменте Аристотеля πτῶσις означает наклонения (τὰς ἐγκλίσεις πτῶσις ὀνομάζων)²⁶. Согласно этой точке зрения, глагол выражает точно свою сущность только в настоящем времени, так как Аристотель под глаголом понимает то, что говорится о каком-либо предмете²⁷, и настоящее время выражает функцию логического предикцирования в наиболее чистом виде.

По мнению Брендаля, предложение, главным членом которого является глагол, выражает по этой формуле логическое суждение, и такое определение вынуждает Аристотеля изъять из класса глаголов глаголы в отрицательной форме (οὐχ ὑγιαίνει, οὐ κάμνει, Interpr., III). Чтобы быть

²⁰ Иоанн Петрици. Труды, II. Тбилиси, 1937, стр. 131 (на груз. яз.).

²¹ Подробный анализ этого трактата будет опубликован в «Сборнике восточной филологии», I (Институт востоковедения АН Груз. ССР) в 1967 г.

²² Dionysii Thracis Ars grammatica, ed. G. Uhlig. Lipsiae, 1884, § 12, p. 24.

²³⁻²⁵ Arist., De interpr., II, ed. I. Bekkeri. Bonnae, 1853.

²⁶ Arist., fr. 113, 1496, b, 24, 33, 55 (ed. Acad. Boruss., 1831).

²⁷ Arist., De interpr., III: τῶν καθ' ἑτέρου λεγόμενον σημειῖόν ἐστιν.

последовательным и точным, Аристотелю следовало исключить из класса глаголов также императив, субъюнктив, вопросительные формы, так как понятие утверждения не охватывает этих форм. Они не создают общего суждения²⁸.

При определении наклонения Итал повторяет слова схолиаста Τέχνη γρ.: «Наклонение есть намерение (хотение) души, означенное единицей, выраженной звуками. Но это есть простое высказывание, также имя благодаря слову «не» превращается в простое высказывание, так как делается определением и простой единицей, выраженной звуками и почти схожей с глаголом»²⁹.

Для того чтобы понять это место, надо знать, какие предложения разбирает Аристотель с логической точки зрения. Его учение о λόγος-е таково: предложение есть звуковое изложение, которое людьми употребляется условно и часть которого, самостоятельно взятая, означает что-нибудь как простое высказывание (φάσις), а не как утверждение (κατάφασις) или отрицание (ἀπόφασις).

Говоря о глаголе, Итал излагает учение Аристотеля и стремится исправить его посредством новых теорий. В частности, он старается примирить взгляды Дионисия и Аристотеля. То, что он использовал труд Дионисия, видно из терминов *παρεπέμμεναι* (акциденции) и *βούλημα ψυχῆς* (намерение, хотение души)³⁰. На использование трудов Аристотеля указывают много терминов и целые выражения.

Автор пространно рассуждает об имени и глаголе, поскольку его, как логика, интересуют только эти части речи. Рассуждения о других частях речи крайне лаконичны. Говоря о них, он разбирает только одну-две апории.

Таково в самых общих чертах содержание трактата. Следует отметить, что Итал считает неудовлетворительной традиционную схему частей речи, которая и в современной лингвистике признается негодной из-за отсутствия единого классификационного принципа. Это видно из того, что все дефиниции, взятые в отдельности, им отрицаются и в них он находит апории. Аристарху и Дионисию Фракийскому такая точка зрения незнакома; они давали лишь позитивные определения. При этом Итал уделяет внимание и формальному анализу слов, например в параграфе об имени, причастии, местоимении.

Особо следует обратить внимание на метод исследования Итала, применяемый как в этой работе, так и в других. Итал совершенно игнорирует то положение, что грамматика или философия есть *ancilla theologiae*; он не прибегает к теологии при исследовании того или иного вопроса, считаясь только с силой своего разума и разума других ученых.

В письме Итал обращается к адресату как к человеку, которому хорошо известна обстановка, существующая в Константинополе. Автор говорит, что некоторые обстоятельства он вынужден обойти молчанием, его удерживает какая-то сила. Но в том, что касается науки, он высказывался до конца и подчеркивает, что адресат прекрасно знает все источники. Итал не называет ни одного автора; он как бы считает само собой разумеющимся, что адресату известны Дионисий Фракийский, схолиасты,

²⁸ V. Brendal. *Les parties du discours (partes orationis)*. Copenhague, 1948, p. 48.

²⁹ *Dionysii Thracis Ars grammatica*, p. 47: βούλησις ψυχῆς διὰ φωνῆς σημαζομένη. Немного ниже схолиаст пишет: βούλημα.

³⁰ *Смарагд* (IX в.): три лица глагола — это есть вдохновение от бога. Существует восемь частей речи, так как восемь является святым числом. Комментатор Τέχνη γρ. Давид: каждое творение получает имя от бога. Имя падает прямо свыше, поэтому имя есть прямой падеж (ὀρθῆ πτώσις). См. Н. Адонц. Дионисий Фракийский... стр. CLXI; *Словарь Суды*, s. v. ὄνομα.

Περὶ ἑρμηνείας, Ἀναλυτικά, Κατηγορίαι Аристотеля, Платон, стоики и другие античные и средневековые ученые. Он подчеркивает, что адресат обладает большими знаниями.

Можно ли думать, что этим адресатом являлся И. Петрици?

Если окажется, что оба философа обращались к одному и тому же кругу понятий, интересовались одними и теми же вопросами и их теории восходили к одним и тем же источникам, тогда не останется места для сомнений и придется признать, что адресатом письма действительно был И. Петрици.

Для решения этого вопроса существенное значение имеет статья профессора С. Г. Каухчишвили «Материалы для изучения источников „Комментариев к Проклу Диадоху“ И. Петрици»³¹. Автор статьи сличил некоторые места «Комментариев» с их источником — Τέχνη γραμματικὴ Дионисия Фракийского, откуда И. Петрици дословно перевел начало, содержащее в себе определение грамматики и перечисление ее частей: «Быть грамматиком — это значит знать прозаиков и поэтов, способ выражения ими своих мыслей, уметь выявить виды поэтических произведений, знать, как они создаются, знать лингвистику и методы летописцев и этимологию, т. е. толкование имен и аналогии. Наиболее важной частью грамматики является критика произведений»³². Затем Петрици переводит первый параграф Τέχνη γρ., где изучаются вопросы об ударениях спиритусах и другие, вопросы о точке и запятой (стигме и ипостигме), о чтении.

К сказанному С. Г. Каухчишвили можно добавить следующее. В заключительной части «Комментариев» Иоанн Петрици упоминает части речи: «Части речи есть имя и глагол»³³. Глагол он обозначает как «слово». Иногда греческий λόγος обозначал предложение, но ῥῆμα есть высказывание, предиктивное, центральная часть предложения, «слово слов», преимущественное слово; поэтому римляне его перевели verbum, что означало и «слово». В «Тезете» (262 С) λόγος обозначает предикат, т. е. ῥῆμα. В «Топика» (I, 13, 12) λόγος и ῥῆμα — одно и то же. Петрици упоминает только две части речи; это понятно, если иметь в виду, что его, специалиста по логике, интересуют только эти части речи как слова, обозначающие субъект и предикат. Так поступал Аристотель и другие. Поэтому и Иоанн Итал в начале трактата пишет: «Предложение, имя, глагол».

Византийские грамматики уделяли большое внимание искусству чтения и письма. В то время письмо слишком отставало от произношения, и для практических целей выдвинуты были вопросы орфографии³⁴. Иоанн Петрици пространно рассуждает о первом тезисе второго параграфа Τέχνη γραμματικὴ, который касается чтения, согласованного с правилами просодии, декламации, чтения с соблюдением знаков препинания, пауз. Дионисий говорит: Ἀναγνωστέον δὲ καθ' ὑπόκρισιν, κατὰ προσῳδίαν, κατὰ διαστολήν.

Первое положение подчеркивает необходимость правильной декламации, требует, чтобы чтение происходило с соответствующим выражением, так как комедии соответствует одна манера чтения, трагедии и лирике — другая. Каждому произведению приличествует свой способ чтения, гово-

³¹ «Вестник АН Грузинской ССР», т. II, 1941, № 8, стр. 755—760 (на груз. яз.).

³² И. Петрици. Труды, II, стр. 220.

³³ Там же.

³⁴ Начиная с античного времени греки подразделяли грамматику на μικρὰ γραμματικὴ (искусство чтения и письма) и на μεγάλη, τελειότερα, которая, помимо первой, включала также знание прозаических и поэтических произведений, их критику, всестороннее исследование языка. Грамматик в широком смысле слова был филологом и литературоведом. Суда употребляет термин γραμματικὴ в его узком значении.

рит Дионисий. На это указывает и И. Петрици в «Комментариях»³⁵. Он говорит о регулировании голоса, о придании словам соответствующего тона, что, наверное, передает выражение *καθ' ὑπόκρισιν*.

Очень пространно рассуждает Петрици и о *κατὰ προσωδίαν*; для просодии он употребляет выражение: «знаки следующие, сопровождающие»³⁶.

Третьим требованием Дионисия является чтение с соблюдением правильных пауз, правильной расстановкой знаков препинания *κατὰ διαστολήν*: «Точка с запятой и запятая требуют меньше времени, чем точка. Тут мы имеем дело с растяжением в произношении и разделением слов, так как одно и то же слово может иметь различное значение в зависимости от того, как оно произносится говорящим»³⁷.

Таким образом, Иоанн Петрици поддерживает требования Дионисия, чтобы читать *καθ' ὑπόκρισιν*, *κατὰ προσωδίαν*, *κατὰ διαστολήν*, и в разных местах «Комментариев» в какой-то мере развертывает суждение о каждом из этих требований.

Очень интересно рассуждение о том, почему произведение Прокла названо *Στοιχεῖωσις*: «Прокл назвал свою книгу „Элементами“. Он выделил элемент, ибо последний является простейшим; ведь всех приступающих к учению сначала учат простейшему, затем более сложному; так, имена состоят из букв, а простые высказывания из имен, из простых высказываний — предложения, как нас учит *Περὶ ἐρηγησίας*. Ибо простое прежде составного, например четыре элемента — огонь, воздух, вода и земля. Эти последние понятия Аристотель назвал элементами — простейшими из философских понятий»³⁸. То же самое сказано и в сделанных Петрици маргинальных приписках к произведению Немесия «О природе человека»³⁹.

Что касается картины восхождения из *στοιχεῖον* — элемент, имя, простое высказывание, предложение, то это, как указывает сам Петрици, взято им из *Περὶ ἐρηγησίας*. Тут в IV—VI главах излагается учение о том, что начальным элементом служит имя, следующей единицей является *φάσις* — простое высказывание, которое означает что-нибудь, но не утверждение или отрицание, а затем уже образуется предложение, в котором дается утверждение или отрицание.

В «Послесловии» И. Петрици перечисляет все области средневековой школьной (практической) грамматики: здесь фигурируют орфография, этимология (дисциплина, которая изучает отдельное слово), синтаксис; к этому автор, со своей стороны, добавляет стилистику: «Например, письмо и соответственно письму — чтение. Если написано неправильно, то и чтение будет неправильным; [затем выясним] что такое есть *имя* и что такое *глагол* и вместе с этим [поговорим о] *синтаксисе* и *украшении речи* и *насыщенности* и *изяществе* изложения»⁴⁰.

Судя по переводу книги Немесия, Петрици знаком с выражениями *στόικος ἐνδιάθετος* и *στόικος προφορικός*; он переводит их как «внутриположное слово» и «внешнее слово».

Петрици уделяет внимание и исследованию этимологии слов, установлению их истинного значения: «Кронос есть полнота или насыщенность разума». При объяснении имени Зевса он обращается к Гераклиту и

³⁵ И. Петрици. Труды, II, стр. 6.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, стр. 221.

³⁸ И. Петрици. Труды, II, стр. 5.

³⁹ Н. Эмесский. О природе человека, изд. С. Горгадзе. Тбилиси, 1914, стр. 61 (на груз. яз.).

⁴⁰ И. Петрици. Труды, II, стр. 220.

Платону: «δι' ὅν, от которого все происходит» — и еще: «ζεῶν означает кипение и перенаполнение жизни».

Учитывая, что вопросы грамматики привлекали самое пристальное внимание И. Петрици, грузинский деятель Антон Католикос вполне обоснованно называл И. Петрици грамматиком в широком значении слова, т. е. филологом, литератором. Очевидно, по этой причине и Итал назвал Петрици «грамматиком Абазгом».

Как грамматик, И. Петрици вращался в близком для Итала кругу понятий; он использовал тех же авторов — Дионисия Фракийского и его комментаторов, Аристотеля (особенно *Περὶ ἑρμηνείας*). Известно, что он перевел *Περὶ ἑρμηνείας* и *Τὰ τοπικά*, а также написал учебник грамматики. Круг вопросов и использованная литература у обоих философов одни и те же. Сближает их не только чисто грамматический, но и логико-философский подход к предмету. Все это должно быть учтено при рассуждении о взаимосвязи этих двух философов и определении их места в истории человеческой мысли.